

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 149–163
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 149–163
©Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-149–163

«ЗДЕСЬ ТЕПЕРЬ Я ОТДЫХАЮ ПОД ЗЕМЛЕЙ, О ХОЗЯИН,
МНОГО ПОТРУДИВШИЕСЯ»: МЕСТО СОБАКИ В ЖИЗНИ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ОЙКОСА НА МАТЕРИАЛЕ НАДГРОБНЫХ
НАДПИСЕЙ¹

Л.Г. Елисеева¹, Е.Н. Андреева²

¹*Институт всеобщей истории РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
liubovgeliseeva@gmail.com

²*Институт всеобщей истории РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия*
aenik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются древнегреческие эпитафии собак и предпринимается попытка продемонстрировать, какого рода информацию можно извлечь из подобных текстов. Анализируя тексты эпитафий, авторы сравнивают их не только с аналогичными латинскими текстами, но и с древнегреческими надгробными надписями, посвященными людям. В работе затрагиваются такие темы, как клички собак и их «профессии». Авторы приходят к выводу, что формулы, используемые в собачьих эпитафиях, а также их клички ближе всего к именам и формулам из эпитафий рабов и/или других зависимых членов домохозяйства.

Ключевые слова: греческая эпиграфика, поэтические эпитафии, эпитафии собак

В античной культуре отношение к собакам в самых общих чертах можно описать как двойственное. С одной стороны, собаки считались «нечистыми» животными, связанными с хтоническими божествами. Как в гомеровском эпосе, так и в

Данные об авторах: Елисеева Любовь Григорьевна – аспирант отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН; преподаватель исторического факультета ГАУГН; участник научного коллектива по гранту РФФИ № 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ» исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Андреева Евгения Николаевна – научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН; преподаватель исторического факультета ГАУГН.

¹ Авторы хотели бы выразить благодарность за помощь при подготовке этой статьи А.И. Иванчику, А.В. Белоусову, Б.Е. Александрову и Е.В. Ляпустиной.

Л.Г. Елисеева выполнила свою часть исследования при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00386 А «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ». Исследование Е.Н. Андреевой выполнено в рамках государственного задания ГАУГН по теме № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории».

эпиграфических памятниках κῶων используется как оскорбление². В эпосе герой часто угрожает убить своего врага и оставить его мертвое тело на растерзание животным, причем особо отмечается, что именно собаки питаются трупами (*Il.* I. 4–5; XXII. 348–54); отсюда же, видимо, берут свое начало угрозы в адрес грабителей на надгробиях: незахороненные тела грабителей обречены на то, чтобы их обглодали собаки (*SEG XLII*: 1156). С другой стороны, собаки могли жить при святилищах и даже быть источником исцеления. Так, из святилища Асклепия в Эпидавре до нас дошли списки «пациентов» IV в. до н.э., их болезней и средств, с помощью которых они излечились. В частности, мальчик по имени Аигинат, страдавший от некоего новообразования в горле, был «излечен» одной из собак святилища³. В своем исследовании, однако, мы постараемся в первую очередь рассмотреть не абстрактные позитивные и негативные характеристики, которые приписывались собакам в античном обществе, но те реальные взаимоотношения между хозяевами и их питомцами, свидетельства которых дошли до наших дней.

Тема взаимоотношений человека и собаки уже привлекала внимание исследователей, которые подходили к ней с разных сторон. Ф. Орт, Х. Шольц, Д.Б. Халл, Р.Х.А. Мерлен, С. Лилья, К. Майнолди, К. Франко⁴ рассматривают представления греков о характерных особенностях собак, в том числе и негативных (например, собака – это, в первую очередь, существо, лишенное чувства стыда – αἰδώς, питающееся падалью), а также использование этих характеристик как эпитетов для людей⁵. К.Ф. Китчелл исследовал роль собаки как возможного маркера социального статуса ее владельца⁶. Эпитафиями собак как эпиграфическими памятниками занимались Г. Геррлингер, Фр. Шаму⁷ и другие, причем следует особенно отметить работу В. Гарулли⁸, где эпитафии собак освещаются в контексте развития литературной традиции.

Мы проанализировали тексты древнегреческих эпитафий собак, чтобы, сравнив их со структурой надгробных надписей, посвященных людям, выявить характерную для них структуру, формулы и тропы. Особенность языка древнегреческих надписей состоит в использовании формул, т.е. общепринятых выражений, которые разъясняют обстоятельства возникновения конкретной надписи, фиксируют переход от одной структурной части надписи к другой. Например, в государственном декрете формулы разъясняют причину и процедуру его принятия. Точно также в структуре надгробной надписи можно выделить формулы, которые сообщают нам о жизни усопшего и его взаимоотношениях с членами семьи, установившими надгробный памятник. Таким образом, мы надеемся получить не только свидетельства эмоциональной привязанности хозяина к его питомцам⁹, но и получить материал для исследований о том, какую роль отводили собакам в ойкосе.

² Например, μωρός κῶων; см. Oikonomides 1987, 37–42; *SEG XXXVII*: 203.

³ *JG IV*², 1 122; см. Scholz 1937; Franco 2014, 7–8, 54–74.

⁴ Orth 1913; Scholz 1937; Hull 1964; Merlen 1971; Lilja 1976; Mainoldi 1984; Franco 2014; 2020.

⁵ См. Franco 2014, 161–184 с примечаниями.

⁶ Kitchell 2004.

⁷ Herrlinger 1930; Chamoux 2001.

⁸ Garulli 2014.

⁹ В данной работе под питомцем мы понимаем животное, которое в первую очередь является компаньоном, т.е. которое имеет имя, с которым у хозяина установилась личная связь и которое не предназначено в пищу (Lewis, Llewellyn-Jones 2018, 713).

Мы рассмотрели две группы текстов: с одной стороны, надгробные надписи, высеченные на камне, а с другой – древнегреческие эпитафии собак, которые дошли до нас посредством литературной традиции. Датировка надписей из первой группы можно определить периодом с IV в. до н.э. по II в. н.э. В эту группу входит эпитафия собаки Бальба, «оплаканной» собаки, эпитафии собак Филокинига, Теи, Тирана, Партенопы и Стефана¹⁰, причем эпитафия последнего была вырезана на его саркофаге. Некоторые камни были потеряны, и надписи дошли до нас только в списанных копиях.

Ко второй группе относятся эпитафии собак по имени Ликада и Локрида, псов по имени Тавр («Бык») и Лампон¹¹. Эти эпитафии можно приблизительно датировать по времени жизни поэтов, но их общая датировка не выходит за пределы IV в. до н.э. – I в. н.э. При рассмотрении этих эпитафий следует иметь в виду, что эти тексты не являются реальными надгробными надписями, а, возможно, представляют собой поэтические этюды или даже пародийные произведения. Например, Тавр описывается гомеровским эпитетом ἀργός (ср. *Il.* I. 50, XVIII. 283 и так далее). Поэтическая формула из этой же эпитафии (νῦν δὲ τὸ κεῖνον φθέγμα σιωπῆραι νυκτὸς ἔχουσιν ὀδοί – «ныне же его голос принадлежит тихим дорогам ночи») – популярный поэтический троп, согласно которому в существовании после смерти царит тишина¹². Несмотря на возможный шуточный характер, данные из этих текстов могут оказаться полезными для нашего исследования, так как они являются отражением, пусть и ироническим, представлений древних о месте собаки в их жизни.

Для сравнения мы привлекаем латинские эпитафии собак (например, эпитафии собак Маргариты¹³, Патрики¹⁴, Мюйи¹⁵, Елены¹⁶, Эолиды¹⁷ и собаки, охранявшей колесницы¹⁸), а также человеческие эпитафии, дошедшие до нас как в литературе, так и на камне, в которых упомянуты питомцы, часто только по имени (эпитафия девушки Бассы с именем ее собаки Унионы¹⁹; эпитафия атлета Антониана с именем его собаки Парегориды²⁰; эпитафия гладиатора Автолика с именем собаки Эпиодий – Ἐπιόδις)²¹. Упоминание собаки на надгробном камне вовсе не означает, что она была похоронена вместе с хозяином, однако ее упоминание представлялось составителям эпитафий важным²².

¹⁰ *EG* 329; 627; 332; 626; Dobias-Lalou, Gwaider 1997, 27–30; *IG* XII, 2 459; *SEG* XLI: 1283.

¹¹ *Poll. Onom.* V. 48; *AP* VII. 211; IX. 417. Тексты и переводы рассматриваемых эпитафий собак и подробную библиографию см. в Приложении.

¹² См. комм. к этой эпитафии в издании Jacobs 1826, 379, no. 17; ср., например, *umbrae silentes* и *loca nocte tacentia late* в *Virgil. Aen.* VI. 264–5.

¹³ *CIL* VI 4, 29896; *CLE* 1175 (I–II вв. н.э.; Галлия).

¹⁴ *CLE* 1176 (II в. н.э.; Салерно).

¹⁵ *CLE* 1512; Geist 1969, Nr. 402 (II в. н.э., Augusta Ausciorum).

¹⁶ *CIL* VI, 3 19190 (150–200 гг. н.э., Рим).

¹⁷ *AE* 1994: 348.

¹⁸ *CIL* IX 5785 (1); *CLE* 1174; Herrlinger 1930, Nr. 50; Geist 1969, Nr. 399 (II в. н.э., Рицина).

¹⁹ *IK Ephesos* VI 2231; см. также *Bull.* 1979, 16; Chamoux 1990, 117 (Эфес, римское время).

²⁰ *SEG* XX: 752 (Кирены, вторая половина III в. н.э.); см. также Chamoux 1990, 116.

²¹ *IG* XII, 2 644; *Bull.* 1974, 459; см. также Robert 1940, 223–225, no. 285; Bean 1973, 408–409, no. 43; *AE* 1973, 521.

²² Особняком стоит эпитафия воина Гиппаймона, его слуги, коня и собаки, которая сохранилась в составе Палатинской антологии (*AP* VII, 304). Она, скорее всего, является стилизацией, которая никогда не предназначалась для нанесения на реальное надгробие. В литературе давались

Собаки в античных эпитафиях в первую очередь описывались с помощью тех функций, которые они выполняли. Эти функции, или, если можно так сказать, «профессии», были обусловлены разным социальным положением их хозяев: собаки пастуха занимались охраной стада, человек высокого социального положения мог позволить себе завести охотничьих собак или маленьких «комнатных» собачек, чьей единственной задачей было радовать своих хозяев²³. Добродетельные качества собак, отмеченные в их эпитафиях, также зависят от их «профессии». Маленьких собак будут хвалить за проявление любви к хозяину, хорошее поведение и игривость: собака Тея дарила радость своей хозяйке, и поэтому та по ней тоскует (κούρη δὲ ἄβρον / ἄθυμα ποθοῦσα / ἐλεεῖνὰ δακρύ/ει), а пес Стефан был счастьем для Родопы (Ῥοδόπ[ης(?) εὐδ]αίμωνια); те же самые похвалы встречаются и в латинских эпитафиях Патрики и Мюии. Владельцы сторожевых или охотничьих собак благодарны за честное исполнение долга: например, перечисляются те свойства, которые делали прекрасными охотниками Ликаду (в эпитафии подчеркивается ее доблесть – τὰν δ' ἀρετὰν) и Лампона (который за свою жизнь успел многое совершить – ὑπὲρ ψυχῆς πολλὰ πονησάμενον); хвалят в латинской эпитафии и безымянного сторожа колесниц, который «никогда не лаял напрасно» (numquam latravit inepte). Бальб и вовсе называет свою питомицу «служанкой и спутницей во многих путешествиях» (δουλίδα καὶ σύμπλουν πολλῆς ἀλόγ). Конечно, доброту ценили не только в «комнатных» собаках: охотничья собака Маргарита, точно так же, как и маленькая Патрикe, имела обыкновение сидеть на коленях у своих хозяев (mollī namque sinu domini dominaeque iacebam)²⁴. В определенной мере это отражено в литературной традиции. Так, Ксенофонт советует воспитывать собак добрым словом, а не применением силы; их следует ласково поощрять и во время охоты каждую звать по имени (Сул. 6.10, 17.22, 17.25). Арриан пишет, что собаки к людям, которые ласково с ними обращаются, и к тем, подле кого они спят, привязываются не меньше, чем к тем, кто их кормит (Сул. 9.1, 10).

Иногда мы встречаем указание на происхождение или породу собаки и можем сделать выводы о ее роли исходя из этого. В литературной, возможно, шуточной, эпитафии Тавра сказано, что он родом с Мелиты (τὸν ἐκ Μελίτης ἀργὸν κύνα). Страбон сообщает, что с этого острова «происходят маленькие собачки, называемыми мелитскими» (VI. 2. 11: τὰ κυνίδια ἃ καλοῦσι Μελιταῖα; пер. Г.А. Стратановского), Плиний Старший тоже говорит о небольших «мелитских» собаках (unde catulos melitaeos appellari: NH III. 152; пер. Б.А. Старостина), хотя сам остров оба автора локализируют в разных местах. О внешности этих собак дает ясное представление краснофигурная ваза из Вульчи, где над небольшой и пушистой собакой написано различные интерпретации этого текста, см. L. Robert, J. Robert 1976, 207, n. 215; Chamoux 1990, 118. А.И. Зайцев (Zaicev 1996, 139–150) рассматривает эту эпитафию как вполне реальную надгробную надпись; А.И. Иванчик (Ivantchik 2005, 118–124) показывает, что текст представляет собой позднюю шуточную имитацию, что и объясняет говорящие имена всех его героев. О. Массон (Masson 1962, 139) вместо сохранившегося варианта имени пса (Λήθαργος – «Апатичный») предлагает конъектуру Λαίθαργος («Кусающий без лая»).

²³ Brewer, Clark, Phillips 2001, 64.

²⁴ Высказывалось предположение, что Маргарита начала свою жизнь как охотничья собака, а затем стала комнатной собакой (Lewis, Llewellyn-Jones 2018, 718), однако не вполне ясно, почему нежная привязанность к хозяевам кажется авторам невозможной для охотничьей собаки. Например, Арриан (Сул. 5. 1–6) рассказывает, как его любимая охотничья собака по имени Ὀρμίῆ одновременно была ему и компаньоном.

ΜΕΑΙΤΑΙΕ – и точно таких же собак мы встречаем как своего рода сопровождающих на аттических надгробных памятниках людей²⁵. Мы можем сделать вывод, что Тавр был «комнатной» собачкой, несмотря на то, что в тексте эпитафии его голос описан тем же словом, которым можно обозначить бычий рев (φθέγμα), а сам пес назван «самым верным стражем Евмела» (Εὐμήλου πιστότατον φύλακα) – характеристики, приписанные ему, очевидно, иронически; да и само его имя – «Бык» – очевидно тоже шутка²⁶. Еще один пример шуточного имени мы встречаем уже в реальной надписи: собака по имени Тиран (Τύραννος), несмотря на свое говорящее имя, «много потрудился» ради своего хозяина ([πο]λλὰ πονήσας).

«Профессиональные» обязанности собаки могут быть отражены и в ее имени, например, «Филокиниг» (Φιλοκύνητος) буквально можно перевести как «любящий охоту», а «Парегорида» – как «приносящая успокоение» (Παρηγορίς vel Παρηγόρις). Хотя «Локрида» в эпитафии Аниты Тегейской наверняка является именем собственным (схожее имя зафиксировано также и у людей, ср. Локрós или Λοκρίων *LGPN I*, 289), стоит отметить, что с локридскими собаками Ксенофонт советует ходить на дикого кабана (*Суп.* 10. 1: πρὸς δὲ τὸν ὕν τὸν ἄγριον κεκτῆσθαι κύνας... Λοκρίδας); для этой же цели он также советует индийских собак, а из двух эпитафий, сохранившихся на папирусе, мы знаем о Тауроне Индийце (Ταύρων Ἰνδός), собаке Зенона, охотившемся на кабанов²⁷, и в этом случае имя, однокоренное со словом «бык», абсолютно оправдано. С другой стороны, следует отметить, что две фактически одинаковые клички – Οὐνίον (греческая транскрипция латинского unio) и Margarita (латинская транскрипция греческого μαργαρίτης) – «Жемчужина» – указывают на цвет и красоту собаки, но если первую собаку, Униону, принадлежавшую девочке по имени Басса, скорее следует отнести к «комнатным» собачкам, то Маргарита была охотничьей собакой²⁸.

Все перечисленные выше имена собак куда более сложные, чем им следовало быть, по крайней мере, согласно советами древних авторов. Ксенофонт предлагает следующие варианты имен, которые, по его мнению, должны быть для удобства хозяина короткими, но благозвучными: Ψυχή («Душа»), Φύλαξ («Страж»), Φόναξ («Жажущий крови»), Χαρά («Радость») и т.д. (*Суп.* 7. 5). Колумелла (*Rust.* VII. 12. 13) соглашается с Ксенофонтом и добавляет несколько греческих и латинских имен для сук: Spoude («Усердие»), Alke («Отвага») и Fevox («Отважная»), Lupa («Волчица»), Tigris («Тигрица»).

У собак также могли быть человеческие имена: в наших эпитафиях это Стефан, Лампон, Партенопа, а также, например, Елена из латинской эпитафии. Кроме того, такие «говорящие имена», как Филокиниг, Тавр и Тиран, встречались и у людей (*LGPN I*, 429; III.A 437; IV, 347). Другие клички можно соотнести с близкими

²⁵ Keller 1909, 93, fig. 34. Собаку Елену, судя по рельефу на ее надгробном камне, также можно отнести к этой породе и, соответственно, определить ее предназначение как «комнатной» собаки (URL <http://www.getty.edu/art/collection/objects/6727/unknown-maker-grave-stele-for-helena-roman-ad-150-200/>; дата обращения: 08.08.2020).

²⁶ Эд.Л. Хикс по причине несоответствия породы «профессии» и имени посчитал эту эпитафию подделкой, даже не рассматривая возможность, что такое имя могло быть дано собаке в шутку (Hicks 1882, 130, n. 1).

²⁷ P. Cair. Zen. IV, 59532, 256–246 гг. до н.э. См. Lloyd-Jones, Parsons 1983, 489–490, no. 977; Perreer 2007, 605–622.

²⁸ В данном случае интересно отметить «инверсию» языков – латинская кличка греческой собаки и греческая – римской, что может указывать на тенденцию давать собакам «экзотические» имена.

им по форме человеческим именам, например, Ликада (Λυκάς; ср. Λύκος, *LGPN I*, 290–291, или Λυκάς, *LGPN III.B*, 262), Тея (Θεία; ср. Θεαῖος, *LGPN I*, 211), Локрида (Λόκρις; ср. Λοκρός или Λοκρίων *LGPN I*, 289).

Что мы можем сказать о людях, у которых были такого рода «говорящие» имена, как, например, Филокиниг? Предположение, что такие имена принадлежат людям зависимого положения, является достаточно очевидным. Мы не ставим перед собой задачу сейчас проделать полноценное сравнение собачьих и человеческих имен, так как такой анализ требует большой подготовки. Однако хотелось бы высказать общее предположение, касающееся в первую очередь римского контекста, что имена собак и людей зависимого положения имеют схожую структуру: такое имя содержит намек на самую характерную и отличительную черту человека или собаки. Такие характеристики можно разделить на несколько категорий. Во-первых, в имени может содержаться указание на обязанности. Например, именем Φύλαξ – «Страж» – могли зваться и люди (*LGPN I*, 476), и собаки (если верить Ксенофону); а один Филокиниг, живший во II в. н.э., был гладиатором-ретиарием²⁹, который почти наверняка был человеком зависимого положения. Во-вторых, с помощью имени могут подчеркиваться личные достоинства, или же в нем могут быть заключены некие абстрактные добродетели (можно сравнить имя раба Ἄγαθος³⁰ и имя собаки Θεία). Иногда имена восходили к мифам, историческим фигурам и религиозным практикам, например, такие широко распространенные имена, как Партенопа и Елена, встречаются в том числе как среди собак, так и среди рабов³¹. В этой связи также имеет смысл отметить, что собачьи клички в латинских эпитафиях часто греческого происхождения (например, Елена, Элида и т.д., ср. упоминание собаки по кличке Лидия в эпитаграмме Марциала II. 69). Можно предложить два объяснения, которые, впрочем, друг друга не исключают: во-первых, хозяева могли выбрать необычное и красивое имя (кличка «Мюйя» – «Муха»³² вовсе не является в этом смысле обидной, а скорее показывает, что хозяева в той или иной степени владели греческим языком), а во-вторых, люди с греческими именами в Италии часто были рабами или вольноотпущенниками³³. Если коснуться хронологического аспекта, то можно отметить, что с начала римского времени есть определенный рост в кличках, свидетельствующих о дружеских чувствах по отношению к питомцам, хотя количество кличек, которыми мы располагаем, слишком мало, чтобы делать окончательные выводы.

Проанализировав надгробные надписи собак, мы приходим к выводу, что их эпитафии имеют одну структуру, показывающую, что собака получает эпитафию и/или надгробный памятник как награду от своего хозяина за свои поступки, которые она смогла совершить благодаря своим добродетельным качествам, причем и поступки, и добродетели, как мы увидим, можно считать заслугами хозяина и его воспитания, а также показателем его благосостояния. Полнее всего эта струк-

²⁹ *SEG XXXIX*: 1340; *LGPN IV*, 347.

³⁰ Masson 1973, 15.

³¹ Masson 1973, passim.

³² *CLE* 1512.

³³ Как пример можно привести надгробный памятник Юлии Партенопе (Ιο[υλί]α / Παρ<θ>[ε]-υόλ[η]), который поставил в Риме ее супруг Луций Юлий Зосим (*IGUR II* 605; *IG XIV* 1678) – можно предположить, что супруги были вольноотпущенниками некоего Луция Юлия. Подробнее см. Salway 1994, 128.

тура представлена в эпитафии Партенопы: компаньон и друг, который будет любить хозяина при жизни и будет предан и после смерти (ὅς σε προθύμως καὶ ζῶντα στέρυοι καὶ νεκρὸν ἀμφιέτοι), она получила свою награду, надгробную надпись, за свои дела, с помощью которых она выражала свою любовь и преданность.

Эпитафии собак и людей схожи в том, что иногда для их создания привлекали поэтов. Вероятно, стихотворные эпитафии можно рассматривать как показатель более высокого статуса семьи. Некоторые авторы установлены более или менее точно (например, Анита Тегейская, Антипатр из Фессалоник и другие). Иногда заказчику было недостаточно одной эпитафии: например, для Тауруна Индийца было сделано две альтернативные эпитафии. В некоторых текстах мы не можем не заметить отсылки к литературным традициям, которые в некотором смысле очеловечивали питомцев.

В эпитафиях собак также используются стандартные для человеческих надгробных надписей формулы для выражения горя (о собаке может быть сказано, что она была оплакана – ἐκλαύσθη) и пожелания посмертного благополучия (например, Бальб желает, чтобы земля была «легкой» для его собаки – Βάλβος εὐξάμενος κοῦφην τῆι κατὰ γῆς σκύ[λα]κ[ι])³⁴. Эпитафии Тирана, Филокинига, Стефана, а также эпитафия «оплаканной собаки», как и многие человеческие эпитафии, составлены от первого лица, как будто бы усопший обращается к читающему (например, νοῦνομα Φιλοκύνητος ἐμοί – «Мне имя Филокиниг»)³⁵.

Все выше сказанное тем не менее не означает, что грани между человеческими и собачьими эпитафиями была размыта, напротив, авторы эпитафий отлично осознавали ее. Родопа, хозяйка Стефана, похоронила свою собаку «как человека» (ὡς ἀνθρώπων ἔθαψεν), из чего можно сделать вывод, что автор надгробной надписи осознавал различие между погребением собак и людей. Бальб говорит, что для земли нет разницы между усопшим человеком и собакой ([ῆ]ν καὶ παράσχοις ἀνθρώποις ἀλόγοις ταῦτὰ χαρίζομέν[η]), очевидно указывая, что в глазах людей такая разница есть. Более того, автору одной из эпитафий приходится просить читателя не насмеяться над слишком человеческим отношением к останкам собаки (μὴ, δέομαι, γελάσῃς, εἰ κύνος ἐστὶ τάφος³⁶). Другие рассматриваемые нами эпитафии не представляют погребения собак как что-то странное или достойное осмеяния, вопреки мнению Теофраста, что воздвижение надгробного памятника собаке – верный признак тщеславия ее хозяина (*Char.* 21.9).

Чтобы перейти к сравнению эпитафий людей и собак и заключенных в них формул, хотелось бы отметить некоторые особые черты человеческих эпитафий. Как правило, в греческих эпитафиях имя отца усопшего записывалось в родительном падеже. В некотором смысле аналогию можно найти у Гомера: самая известная собака в Греции, Аргос, пес Одиссея, обозначался через имя его хозяина в родительном падеже³⁷ – Ἄργος, Ὀδυσσεύου ταλασίφρονος (*Od.* XVII. 292). Схожую конструкцию в родительном падеже мы видим в литературной эпитафии Лампона – Λάμπωνα, Μίδου κύνα – «Лампон, собака Мидаса». Разница здесь в том, что родительный падеж не соединяет два имени напрямую.

³⁴ Ср., например, *IG* XII, 1 151 с Родоса; *GVI* 475; *MAMA* X 63; и так далее.

³⁵ Ср. *CIRB* 610; *IG* I³ 1503; IV² 1 735; и так далее.

³⁶ *IG* XIV 2128.

³⁷ Franco 2014, 37, см. также Frisch 2017, 7–18 с библиографией.

В человеческих надгробных текстах, если усопший был мужского пола, зачастую могло не быть дополнительных указаний на то, кем упомянутый в родительном падеже приходился погребенному, так как это казалось очевидным. В эпитафиях же женщин обозначение родственных связей было куда более распространенным, так как мужское имя в родительном падеже могло указывать не только на ее отца, но и на мужа, брата или сына. Такая разница между мужскими и женскими эпитафиями подчеркивает зависимое положение женщины в древнегреческом обществе, и мы можем найти этому соответствие в эпитафиях собак. Имя хозяина собаки в наших текстах сопровождается словом ἄναξ («господин»), δεσπότης («хозяин») или их синонимами, которые обычно обозначают главу домохозяйства (οἶκος), особенно если хозяином собаки был мужчина: надгробие «оплаканной» собаки было возведено руками ее хозяина (χεῖρες... ἄνακτος); Тирран верно служил своему хозяину – δεσπότη; а в эпитафии Партенопы ее хозяин назван ее τροφεύς – «кормильцем». Можно подытожить, что обозначение таким образом хозяев не случайно. Стоит отметить, что у Гомера обычным термином для обозначения хозяина собаки является ἄναξ (например, *Il.* XXIII. 173). Это же слово также означает не только предводителя войска, но и хозяина дома (*Od.* I. 397, cf. *LSJ* s.v.). У δεσπότης также есть значение «хозяин дома». Мы находим удивительную параллель этому двойному смыслу в надгробных памятниках. Изображенные или упомянутые на надгробных стелах лошадь, собака и раб – это те элементы, которые показывают, что перед нами гражданин, хозяин ойкоса³⁸. Собака – это своего рода символ определенного уровня благосостояния и занимаемого свободного положения³⁹. Важность такой черты, как способность воспитать собаку, для полноценного конструирования характера усопшего, имели и упоминания собак в надгробных надписях женщин (например, собака Унион в эпитафии девочки Бассы)⁴⁰.

Если же в тексте эпитафии не используются слова ἄναξ, δεσπότης или их синонимы, иерархия может описываться другими словами, то есть собака в свою очередь может обозначаться как слуга или раб. Собака, которую похоронил Бальб, обозначена словом δουλίς – «рабыня». Можно сказать, что эти слова – «хозяин» и «раб» – в одинаковой степени указывает на иерархические отношения. Среди латинских эпитафий мы находим соответствие этому принципу в эпитафии собаки Елены, которая названа alumna, что означает, что она воспринималась своим хозяином либо как воспитанница, либо как рабыня, родившаяся в доме (в свете текста надгробия, поставленного Бальбом, мы можем предположить, что второй вариант предпочтительнее). Собака по имени Тея обозначена по отношению к своей хозяйке как τροφίμη – «воспитанница»⁴¹. Мы располагаем достаточным количеством греческих эпитафий, в которых упоминаются «воспитанники»: обычный

³⁸ Franco 2014, 73.

³⁹ Если мы обратимся к литературной традиции, то можно увидеть подтверждение такой интерпретации, так, Трималхион особо выделяет в своем завещании, чтобы на его надгробной стеле в ногах была изображена собака (Petron. 71), что является одной из многочисленных шуток, высмеивающих тщеславие вольноотпущенника и его желание подчеркнуть свое приобретенное высокое положение в обществе.

⁴⁰ О собаках на женских надгробиях см. Franco 2014, 83–85.

⁴¹ Интересно, что Ксенофонт использует то же слово для обозначения собаки, спящей в доме (*Hell.* V. 3. 9).

термин – *θρεπτός*, однако также используются родственные *θρεπτός* и *τρόφιμος*. Эти памятники, воздвигнутые или «приемными родителями» в память о «воспитаннике», или же «воспитанниками» в честь своих «кормильцев», в большинстве случаев отражают зависимый статус *θρεπτοῦ* в домохозяйстве⁴². Однако в контексте эпитафий собак роль *τροφεύς* можно интерпретировать и в более буквальном смысле – «тот, кто выкормил (щенка)»⁴³.

По мнению К. Франко, собака редко представлялась греками в качестве раба⁴⁴, однако в рассмотренных нами текстах она определенно выступает в роли зависимого члена домохозяйства. Владельцы собак использовали те же формулы для выражения горя по умершему питомцу, что в эпитафиях несвободных членов ойкоса (рабов, вольноотпущенников, «воспитанников»), точно так же как называли своих собак именами, характерными для рабов.

В текстах человеческих надгробий нередко указывалось, кто заказал памятник: спонсором мог быть родственник или община. Например, в вышеупомянутой эпитафии гладиатора Филокинига, содержится весьма распространенная формула, в которой указывается, что надгробный памятник был поставлен его женой ради памяти о нем и оплачен из ее собственных средств (*ἐκ τῶν ἰδίων αὐτοῦ μνήμησ χάριν*)⁴⁵. Так и хозяин собаки Теи поставил надгробный памятник для того, чтобы о ней осталась память (*μνήστιν ἔχουσα ἀτρεκῆ*). Владелец «оплаканной собаки», как говорится в самой эпитафии, самолично сделал надгробие и положил останки питомца в могилу. В другой эпитафии специально отмечается, что Бальб похоронил свою собаку на Лесбосе. В свою очередь хозяйка Родопа сама заказала для своего питомца саркофаг.

Эпитафии собак имеют свою структуру, которая может быть соотнесена со структурой человеческих эпитафий. Самым важным элементом этой структуры можно считать указание на хозяина, который вырастил и похоронил собаку, так как для хозяина мужского пола воспитанный и отлично проявивший себя пес – это символ его статуса, подтверждение его власти над всеми членами домохозяйства, включая собак. Что же касается имен собак, то они, как кажется, не были столь краткими и функциональными, как предлагал Ксенофонт и его последователи, а, скорее, выражали или отношение хозяина к питомцу, или же желаемые характеристики собаки. Дорогостоящий памятник, а иногда и стихотворная эпитафия – все это могло служить в том числе и показателем успешного и процветающего хозяйства. Тем не менее это вовсе не означало, что в этих эпитафиях не заключено чувство потери, которое испытывают все люди после смерти питомца. Но, несмотря на эту горечь, хозяин Партенопы советует всем, читающим надгробную надпись его собаки, завести себе такого же надежного друга, каким ему была Партенопа.

⁴² *θρεπτοῖ* могли быть как воспитанными в доме «приемными детьми», обычно по своему социальному положению неравными своим «приемным родителям», так и рабами, рожденными и выросшими в доме. Об этом подробнее см. Ricci 2009.

⁴³ В надгробных надписях собак часто присутствовал штамп, почерпнутый из человеческих эпитафий, приписывающий собакам проявление добродетельных качеств с самого раннего возраста (например, Локрида была самой быстрой среди щенков, а Филокиниг любил охоту с самых юных лет). Цель такого описания – придать литературный стиль эпитафии, а также, возможно, подчеркнуть успешность хозяина в качестве воспитателя и дрессировщика.

⁴⁴ Franco 2019, 38–39.

⁴⁵ SEG XXXIX: 1340 (II в. н.э.).

Нам известны, главным образом через поэтическую традицию, эпитафии других животных⁴⁶, однако именно собакам посвящено большинство дошедших до нас надгробных надписей животных.

Приложение

I. Эпиграфические эпитафии

I.1. Эпитафия оплаканного пса. Происхождение: окрестности Флоренции. Датировка: II–III вв. н.э.⁴⁷

Τὴν τρίβον [ὄς] παράγεις,
 ἄ[ν] π[ω]ς τόδε σῆμα νοῆσις,
 μή, δέομαι, γέλασις, εἰ
 κυνός ἐστι τάφος·
 ἐ[κ]λαύσ[θ]ην· χεῖρες δὲ
 κόνιν συνέ[θ]η[κ]αν [ἄν]ακτος,
 ὄς μου σ[τ]ήλη τόν[δε]
 ἐχάραξε [λ]όγον.

Перевод: Проходя проторенной дорогой мимо, коль заметишь это надгробие, прошу, не смейся, пусть и это гробница собаки. Я был оплакан. Руки господина, который и вырезал эту речь на стеле моей, поместили сюда мой прах.

I.2. Эпитафия собаки Бальба. Происхождение: списана Кириаком Анконским в XV в. в Митиленах (Лесбос). Датировка: II–I вв. до н.э. либо I–II вв. н.э. Автор: возможно, Кринагор Митиленский⁴⁸.

Τὴν κύνα Λεσβιακῆι βώλωι ὑπεθήκατο Βάλβος
 εὐξάμενος κούφην τῆι κατὰ γῆς σκύ[λα]κ[ι],
 δουλίδα καὶ σύμπλουν πολλῆς ἀλός· [ῆ]ν καὶ παράσχοις
 ἀνθρώποις ἀλόγοις ταῦτα χαρίζομέν[η].

2. ΣΚΥΚΑ MS; σκύλακι Kaibel; 3. ΑΛΟΣΤΙΝΚΑΙ MS; τιν pro ῆν, i.e. κούφην γῆν – quam tu etiam concedas Buecheler; καὶ juxta optativum pro κε scriptum Kaibel; [ῆ]ν καὶ Kaibel; [εὐ] κ[τ]ὰ παράσχοις Paton; Hicks [ἄ]ν, i.e. ἄ ἄν κε; 4. χαρίζομέν[ος] Peek et Hicks.

Перевод: Бальб похоронил собаку в лесбосской почве, свою служанку и спутницу во многих путешествиях, помолвившись, чтобы она (почва. – *Е.А. и Л.Е.*) была легкой для щенка, что под землей: предоставь же ее (землю для погребения. – *Е.А. и Л.Е.*), и людям, и бессловесным одинаковым образом угождая.

⁴⁶ Ср., однако, надгробный памятник свиньи с эпитафией рубежа II и III вв. н.э. из Эдессы (*SEG XXV: 711*).

⁴⁷ *EG 627; GVI 1365; IG XIV, 2128; Herrlinger 1930, Nr. 41; Geist 1969, Nr. 398; Garulli 2014, 33–34, no. 7.* См. также Hicks 1882, 130.

⁴⁸ *Ephem. epigr. lat.* II 11, no. VI; Buecheler 1874, 374; *EG 329; Herrlinger 1930, Nr. 42; IG XII, 2, 458; GVI 309; SEG XL: 5199; XLVIII: 2103; GPh 1859–1866; Garulli 2014, 34, no. 8.* См. также Hicks 1882, 130–131. Стоит также отметить, что у Кириака эпиграммы V и VI не разделены леммой (*priori sine lemmate continuatum epigramma*).

I.3. Эпитафия Теи. Происхождение: Рим. Датировка: возможно, 138–161 гг. н.э.⁴⁹

χρήμα τὸ πᾶν
Θείας, βαιᾶς κυ-
νός, ἡρία κεύθει,
εὐνοίας, στοργῆς,
ἴδεος ἀγλαίαν·
κούρη δὲ ἄβρὸν
ἄθυρμα ποθοῦσα
ἐλεινὰ δακρύ-
ει · τὴν τροφί-
μην, φιλίας ☩
μνήστιν ἔχουσα [ἄ]-
τρεκῆ.

1–2. χρήμα τὸ Πανθείας Welcker.

Перевод: Все существо Теи, маленькой собаки, сокрыто в гробнице: сияние преданности, любви, сладости. Дева, скучающая по нежной отраде, горько плачет о своей воспитаннице, имея теперь истинное напоминание о дружбе.

I.4. Эпитафия Тирана. Происхождение: Кирены. Датировка: III–II вв. до н.э.⁵⁰

Τύραννος κύων.
ἐνθάδε δὴ κεῖμαι
ὑπ[ὸ] γαίης, δέσπο-
τα, [πο]λλὰ πονή-
σας.

Перевод: Собака Тиран. Здесь теперь я отдыхаю под землей, о хозяин, много потрудившись.

I.5. Эпитафия Партенопы. Происхождение: Митилены (Лесбос). Датировка: II–III вв. н.э.⁵¹

Παρθενόπην κύνα θάψεν ἄναξ ἐὸς ἧ συνάθυρεν,
ταύτην τερπωλῆς ἀντιδιδούς χάριτα.
ἔστ' ἄθλον στοργῆς ἄρα καὶ κυσίν, ὥς νῦ καὶ ἦδε
εὐνοῦς οὔσα τροφεῖ σῆμα λέλονχε τόδε.
ἐς τόδ' ὀρῶν χρηστὸν ποιοῦ φίλον, ὅς σε προθύμως
καὶ ζῶντα στέργοι καὶ νεκρὸν ἀμφιέποι.

1. Ἀνάξιος H.G.C. Jr.

Перевод: Похоронил собаку Партенопу, с которой играл, ее хозяин, воздавая таким образом благодарностью за эту радость. Ведь есть награда за любовь и для

⁴⁹ EG 626; IG XIV 1647; Welcker 1828, 102; Herrlinger 1930, Nr. 40; IGUR III 1230; SEG XL: 1599; XLIV: 1692; Garulli 2014, 33, no. 6.

⁵⁰ Dobias-Lalou, Gwaidier 1997, 28–30; SEG XLVII: 2176; Chamoux 2001; Garulli 2014, 32–33, no. 5.

⁵¹ IG XII, 2 459; GVI 691; Pottier 1880, 494; H.G.C. Jr. 1902, 290; Herrlinger 1930, Nr. 43; SEG XLIV: 1692; Garulli 2014, no. 9.

собак: так и она, будучи доброй по отношению к своему кормильцу, получила это надгробие. Смотрящий на него, заведи себе такого хорошего друга, который охотно тебя и живого бы любил, и о мертвом бы позаботился!

I.6. Эпитафия Филокинига. Происхождение: Пергам. Датировка: II–III вв. н.э.⁵²

οὐνομα Φιλοκύνηγος ἐμοί· τοῖος γὰρ ὑπάρχων
θηρσὶν ἐπὶ φοβεροῖς κραπνὸν ἔθηκα πόδα.

Перевод: Мне имя Филокиниг («Любящий охоту»); и действительно с самого начала жизни таков: против страшных зверей свой быстрый шаг я направлял.

I.7. Эпитафия Стефана. Происхождение: Писидия. Датировка: около 212 г. н.э.⁵³

----- | --- Ῥοδόπ[ης(?) εὐδ]αιμονία
Κ..Τ.ΟΝ εὐχάριτον Στέ-
φανον παίζοντες ἐφώνουν,
ἐξαπίνης θανάτῳ μεμαραμμένον
ἐνθάδε κεύθ[ει].
ἔστι κυνὸς τόδε σῆμα καταφθιμέ-
νου Στεφάνοιο, τὸν Ῥοδόπη δά-
κρυσε καὶ ὡς ἄνθρωπον ἔθαψεν.
εἰμὶ κύων Στέφανος, Ῥοδόπη δέ μ[οι]
ἔῤῥεκτησε τύμβον. ☩

Перевод: ... счастье Родопы [...]. Они, играя, звали Стефана приятным, внезапно унесенного смертью, (и теперь он) здесь лежит. Эта гробница погибшей собаки Стефана, которого оплакала Родопа и как человека похоронила. Я собака Стефан, Родопа же мне поставила гробницу.

II. Эпитафии из литературных источников

II.1. Эпитафия Ликады из Фессалии. Автор: Симонид (ἔνδοξον Λυκάδα τὴν Θετταλὴν Σιμωνίδης ἐποίησε) или Симий Родосский (ἠοροῖт ок. 300 гг. до н.э.)⁵⁴.

ἦ σεῦ καὶ φθιμένας λεύκ' ὄστέα τῶδ' ἐνὶ τύμβῳ
ἴσκῳ ἔτι τρομέειν θῆρας, ἄγρωσσα Λυκάς.
τὰν δ' ἀρετὰν οἶδεν μέγα Πήλιον ἅ τ' ἀρίδηλος
Ἵοσσα Κιθαιρῶνός τ' οἰονόμοι σκοπιαί.

Перевод: Даже после твоей смерти пред твоими белыми костями в этой гробнице, я полагаю, еще трепещут звери, охотница Ликада. Твою доблесть знает великий Пелион, и Осса, которую видно издалека, и одинокие вершины Киферона.

II.2. Эпитафия Локриды. Автор: Анита Тегейская (ἠοροῖт ок. начала III в. до н.э.)⁵⁵.

⁵² EG 332; Hicks 1882, 130; Herrlinger 1930, Nr. 44; GVI 1032; Garulli 2014, 35, no. 10.

⁵³ İplikçioğlu 1991, 39–42; SEG XLI: 1283; Garulli 2014, 36, no. 11.

⁵⁴ Poll. *Onom.* V. 48; Herrlinger 1930, Nr. 9; Garulli 2014, 30–31, no. 1.

⁵⁵ Poll. *Onom.* V. 48; Herrlinger 1930, Nr. 2; GVI 1463; HE 700–703; Garulli 2014, 31, no. 2.

ᾠλεο δὴ ποτε καὶ σὺ πολύρριζον παρὰ θάμνον,
Λόκρι, φιλοφθόγγων ᾠκυτάτη σκυλάκων·
τοῖον ἐλαφρίζοντι τεῶ ἐγκάτθετο κόλῳ
ἰὸν ἀμείλικτον ποικιλόδειρος ἔχις.

Перевод: Погибла и ты у куста со множеством корней, о Локрида, из шумных щенков самая быстрая; таков был жестокий яд, что в твою лапу вложила змея с пестрой шеей.

II.3. Эпитафия Тавра. Автор: Тимн (? , конец II в. до н.э.)⁵⁶.

τῆδε τὸν ἐκ Μελίτης ἀργὸν κύνα φησὶν ὁ πέτρος
ἴσχειν, Εὐμήλου πιστότατον φύλακα.
Ταῦρόν μιν καλέεσκον, ὄτ' ἦν ἔτι· νῦν δὲ τὸ κείνου
φθέγμα σιωπηραὶ νυκτὸς ἔχουσιν ὁδοί.

Перевод: Здесь, говорит камень, резвая собака лежит из Мелиты, самый верный страж Евмела. «Бык» его называли, пока он еще жил; ныне же его голос принадлежит тихим дорогам ночи.

II.4. Эпитафия Лампона. Автор: Антипатр из Фессалоник (*floruit* ок. 15 г. до н.э.)⁵⁷.

θηρευτὴν Λάμπωνα, Μίδου κύνα, δίψα κατέκτα
καίπερ ὑπὲρ ψυχῆς πολλὰ πονησάμενον.
ποσσι γὰρ ᾠρυσσεν νοτερὸν πέδον, ἀλλὰ τὸ νοθὲς
πίδακος ἐκ τυφλῆς οὐκ ἐτάχυνεν ὕδωρ
πίπτε δ' ἀπαυδήσας, ἢ δ' ἔβλυσεν. ἦ ἄρα, Νύμφαι,
Λάμπωνι κταμένων μῆνιν ἔθεσθ' ἐλάφων.

Перевод: Охотника Лампона, собаку Мидаса, хоть и много совершившего в жизни, жажда убила: влажную землю он рыл лапами, но вода из спрятанного источника не поспешила. И он пал в изнеможении, а вода забила фонтаном. Таким образом Нимфы обрушили гнев на Лампона за убитых оленей.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bean, G.E. 1973: New inscriptions. In: J.M. Cook (ed.), *The Troad – an Archaeological and Topographical Study*. Oxford, 395–418.
- Brewer, D.J., T. Clark and A. Phillips 2001: *Dogs in Antiquity. Anubis to Cerberus: The Origins of the Domestic Dog*. Warminster
- Bücheler, Fr. 1874: (Rev.) *Ephemeris epigraphica, corporis inscriptionum latinarum supplementum*. *Jenaer Literaturzeitung* 26, 393–394.
- Dobias-Lalou, C., Gwaider, R.A. 1997: From the cemeteries of Cyrene. *Libya Antiqua* 3, 25–30.
- Chamoux, Fr. 1990: Une stèle funéraire de Cyrène. *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France* 1988, 113–120.
- Chamoux, Fr. 2001: Chiens Cyrénéens. *CRAI* 145/3, 1307–1313.
- Franco, Cr. 2014: *Shameless: The Canine and the Feminine in Ancient Greece*. Berkeley–Los Angeles.
- Franco, Cr. 2019: 'Dogs and Humans in Ancient Greece and Rome: Towards a Definition of Extended Appropriate Interaction'. In: J. Sorenson, A. Matsuoka (eds.), *Dog's Best Friend? Rethinking Canid-Human Relations*. Montreal, 33–58.

⁵⁶ *AP* VII. 211; *HE* 3616–3619; Garulli 2014, 31, no. 3.

⁵⁷ *AP* IX. 417; *GPh*, 459–464; Garulli 2014, 32, no. 4.

- Garulli, V. 2014: Gli epitafi greci per animali. Fra tradizione epigrafica e letteraria. In: A. Pistellato (ed.), *Memoria poetica e poesia della memoria. La versificazione epigrafica dall'antichità all'umanesimo*. Venezia, 27–64.
- Geist, H. 1969: *Römische Grabinschriften*. München.
- Herrlinger, G. 1930: *Totenklage um Tiere in der antiken Dichtung. Mit einem Anhang byzantinischer, mittellateinischer und neuhochdeutscher Tierepikeden*. Stuttgart.
- H.G.C. Jr. 1902: Dog inscription from Mytilene. In: J.T. Clarke, Fr.H. Bacon, R. Koldewey (eds.), *Investigations at Assos: Drawings and Photographs of the Buildings and Objects Discovered During the Excavations of 1881–1882–1883*. London–Cambridge (MA), 290.
- Hicks, Ed.L. 1882: On the characters of Theophrastus. *JHS* 3, 128–143.
- Hull, D.B. 1964: *Hounds and Hunting in Ancient Greece*. Chicago.
- İplikçioğlu, B. 1991: *Epigraphische Forschungen in Termessos und seinem Territorium*. Wien.
- Ivantchik, A.I. 2005: L'épigramme VII, 304 de l'Anthologie Palatine. In: A. Kolde, A. Lukinovich, A.-L. Rey (eds.), *Κορυφαίω ἀνδρί. Mélanges offerts à André Hurst*. Genève, 118–124.
- Jacobs, F. 1826: *Delectus epigrammatum graecorum*. Gothae–Erfordiae.
- Keller, O. 1909: *Die antike Tierwelt*. Bd. I. Leipzig.
- Kitchell, K.F. Jr. 2004: Man's Best Friend? The Changing Role of the Dog in Greek Society. In: B.S. Frizell (ed.), *PECUS. Man and Animal in Antiquity. Proceedings of the Conference at the Swedish Institute in Rome, September 9–12, 2002*. Rome, 177–182.
- Lewis, S., Llewellyn-Jones, L. 2018: *The Culture of Animals in Antiquity A Sourcebook with Commentaries*. London.
- Lloyd-Jones, H., P.J. Parsons 1983: *Supplementum Hellenisticum*. Berlin–New York.
- Mainoldi, C. 1984: *L'image du loup et du chien dans la Grèce ancienne d'Homère à Platon*. Paris.
- Masson, O. 1962: *Les fragments du poète Hipponax*. Paris.
- Masson, O. 1973: Les noms des esclaves dans la Grèce antique. *Actes du Groupe de Recherches sur l'Esclavage depuis l'Antiquité* 2, 9–23.
- Merlen, R.H.A. 1971: *De canibus: Dog and Hound in Antiquity*. London.
- Lilja, S. 1976: *Dogs in Ancient Greek Poetry*. Helsinki.
- Orth, F. 1913: Hund. In: *RE*. Bd. VIII, 2540–2582.
- Pepper, T.W. 2007: A Patron and a Companion: Two Animal Epitaphs for Zenon of Caunos. In: Tr. Gagos (ed.), *Proceedings of the 25th International Congress of Papyrology*. Ann Arbor, 605–622.
- Pottier, Ed. 1880: Inscription de Mételin. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 4, 494.
- Ricl, M. 2009: Legal and Social Status of *threptoi* and Related Categories in Narrative and Documentary Sources. In: H.M. Cotton, R.G. Hoyland, J.J. Price, and D.J. Wasserstein (eds.), *From Hellenism to Islam. Cultural and Linguistic Change in the Roman Near East*. Cambridge, 93–114.
- Robert, L. 1940: *Les gladiateurs dans l'Orient grec*. Paris.
- Robert, L., Robert, J. 1976: Une inscription grecque de Téos en Ionie. L'union de Téos et de Kyrbissos. *Journal des Savants* 3–4, 153–235.
- Salway, B. 1994: What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from c. 700 B.C. to A.D. 700. *JRS* 84, 124–145.
- Scholz, H. 1937: *Der Hund in der griechisch-römischen Magie und Religion*. Berlin.
- Walters 1976: Catullan echoes in the second century A.D.: CEL 1512. *The Classical World* 69/6, 353–359
- Welcker, Fr.G. 1828: *Sylloge epigrammatum Graecorum*. 2 ed. Bonnae.
- Zaycev, A.I. 1996: L'épigramme Anth. Pal. VII 304. *Hyperboreus* 2/1, 139–150.

“HERE I LIE UNDER THE GROUND, OH LORD, AFTER HAVING TOILED A LOT”: A DOG’S PLACE IN ANCIENT GREECE AS DESCRIBED IN EPITAPHS

Lyubov G. Eliseeva¹, Evgeniia N. Andreeva²

¹*Institute of World History RAS; State Academic University for the Humanities;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*
liubovgeliseeva@gmail.com

²*Institute of World History RAS; State Academic University for the Humanities, Moscow,
Russia*
aenik@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on Greek epitaphs set up for dogs and attempts to demonstrate the kind of data that can be extracted from such texts. It analyses the texts of canine epitaphs and compares them not only to similar Latin inscriptions and literary evidence, but also to Greek funerary inscriptions set up for humans, as the structure of the canine epitaphs is often similar to the structure of human ones. Topics such as dog names and ‘professions’ are also touched upon in the paper, and it is concluded that dog owners seem to have named their dogs in a similar manner to how they have named their slaves and have adopted a pattern of expressing their grief over the loss of a pet from the epitaphs commemorating the deaths of dependent members of their households.

Keywords: Greek and Latin inscriptions, epigraphy, epitaphs of dogs
